

Уже несколько недель, небо хранило угрюмый вид. Свинцовые тучи нависли так, будто предзнаменуя, что-то ужасное. Ни у кого не было сомнения, что вскоре землю омоет живительная влага.

По истечению нескольких дней, гонимые ветрами тучи, так или иначе, заполнили весь небосвод. И мелкая капля, упавшая с небес, стала началом продолжительных, осенних, дождливых дней.

Дождь лил, будто из ведра, из-за чего, дороги стали трудно проходимые. Поток путников в Синано из Каи, на некоторое время упал на нет. Если не считать, огромные массы людей, заполонившую главную дорогу. Но в отличие от остальных путников, люди эти путешествовали не налегке, а с огромными обозами. И в отличие от купцов, в обозе они не несли предметы для торговли.

В каждой телеге, легко было увидеть житейские принадлежности. Смотря на них, жители Синано ужасались. Ведь это так напоминало им, давно забытый переселение кланов. И указывая на это, жители Синано были не далеки от истины.

Несмотря на обозы и количество людей, в округ них, как ни странно, стояла непроницаемая тишина. Из-за того, что дожди приходили в Синано из Каи, местным жителям чудилось, что свинцовые тучи преследовали переселенцев.

Хмурый их вид отгонял всякого, кто пытался заговорив, выудить их нелегкую долю. Переселенцы в свою очередь шли так, будто покорно приняли свою судьбу. Вести о них, передавались от деревни к городу так, что после вся Синано знало о них.

В дороге, колеса телег застревали в ямах и грязи, но вопреки всему, поток людей, медленно, но уверенно следовал по пути, ведущий напрямиком в провинцию Хида. Уже успели просочиться слухи, что переселенцами были люди стратега, последовавшие вслед за ним, в Хида.

Слухи разнились на столько, что не сведущему, было трудно разобрать, где правда, а где лож. Но одно люди знали наверняка, дело было не чистое. Ведь, в противном случае, Синген не приказала бы своему лучшему слуге, покинуть земли Каи...

Процессия не походила ни на что, прежде виданное людьми Синано. Впереди идущие самураи не осмелились одеть что-то броское, когда сам их хозяин был одет в простые тряпки, на которых едва держались соломенные накидки. Несмотря на это ухищрение, каждый в процессии промок до нитки, и тайно проклинал, то ли тяжелую долю стратега, то ли нескончаемые дожди.

Одев поверх головы соломенную шляпу, Канске сидел на гнедом скакуне. Увидев его, зеваки, так или иначе уводили свой взгляд прочь. Соломенные накидки, прежде служившие крестьянам защитой от непогоды, сидели на парне так, словно были ничем иным, как самурайскими доспехами.

Одного взгляда хватало, чтобы заметить это сходство. И, несмотря на простую накидку и нелегкую судьбу, в этот момент, им нельзя было не восхищаться. Стратег в свою очередь сидел на гнедом так, будто и вовсе, не замечал происходящего. Словно не было ни дождя и будто столько людей ни следовали за ним, в новую родину...

В эту минуту, погруженный в себя, Канске напоминал каменную изваяния, высеченной десницей жестокого божества, самого Хатимана. Наверное, в этот неясный день, нашлось бы немало тех, кто отдал бы последнее, чтобы узнать, что шептало божество своему пророку.

А перед глазами парня не сходил тот разговор, в котором расставились все точки, скрасив мир в новый цвет. Цвет, видневшийся так отчетливо, но в тоже время, отрицаемый до последнего.

— Канске Ямамото Харуюки прибыл, исполнив ваш приказ...

Подняв голову в поклоне, он еще не знал, чем закончиться этот разговор. Да и, пожалуй, скажи ему кто, никогда бы не поверил в это.

Кроме него и Харуны, в зале не было ни кого. Даже слуги были отпущены. Знаки были недобрыми, но он до последнего верил, что и на этот раз, все само собой обойдется. Да и по сути, ничего не предвещало беды.

— Провинция Хида полностью покорена, — услышал парень свой голос.

Его слова, будто не затронули девушку. Харуна сидела, оперев руку на подлокотник и пристально наблюдая за ним, словно пытаясь прочесть что-то по его лицу.

Невольно в голове возникла мысль, что так смотрит кот на мышь, а вовсе не тот, кто соскучился по другу.

— Поздравляю с победой, — услышал он, после длительной паузы.

Слова были сухи и холодны, будто подчеркивая настроение госпожи.

— Ты, наконец, то добился своего. Стал полноценным дайме и обзавелся кланом и землей. Наверное, ты гадаешь, почему я так долго тянула, не вызывая тебя к себе?

Ему не нужно было отвечать, так как ответ последовал следом.

— Мне нужно было многое обдумать...

— Я тоже много думал. Харуна, мне кажется, что теперь, ничто не станет перед нами...

Изрек парень мысль, что таил и лелеял в глубине души. Но последовавшие слова, были схожи с пощечиной. С ударом, что, будучи не сильным, застигал врасплох, на миг парализуя тебя.

— Став дайме, ты стал много на себя брать. Перестал видеть границы дозволенного и положенного. Отчасти, в этом виновата я сама...

— Что ты... Я не понимаю...

Видя растерянность парня, девушка на миг стушеввалась. Но затем, справившись с внутренним порывом, она набросилась с обвинениями:

— Ты осмелился послать ответ Уэсуги Кенсину, от всего клана. Не ставя меня в известность!

Канске не видел ничего плохого в том, чтобы отправит письмо благодарности Кенсину. Соль, переданные её вассалами, был так необходим клану. Тем более тогда, когда союзники, сговорившись, уже начали строить против них козни.

— Я никогда...

— Довольно, — бесцеремонно прервала Харуна объяснения парня.

До стратега дошло, что с ним говорили как со слугой, и никак иначе. Не веря в происходящее, парень быстро заткнулся.

— Мы с тобой еще не обвенчались узами брака, а ты уже пытаешься командовать моим кланом. Мне известно, что именно люди судачат обо мне...

До Канске доходили слова, в которых превозносили его имя и обходили вниманием имя Харуны. Но парень и в мысли допустить не мог, что это сильно задевала Харуну.

— Послушай, Харуна. Ты ведь знаешь, что это неправда. Я верен тебе и не помышлял дурное, посылая ответ Кенсину...

После этих слов, нависла тишина. Канске с трепетом ждал ответ, когда как девушка собиралась с духом, чтобы расставить всё на свои места.

— Я не могу позволить, чтобы ты бросал тень на мою власть...

В эти смутные времена, бросавшие тень на власть дайме кончали плохо. Недосказанные эти слова, нависли в воздухе. И каждый из них двоих знал, что угроза, так или иначе, произнесена.

Парень не поверил услышанному, да и не желал. Но хмурый взгляд девушки и серьезный тон, убедили его в обратном. В том, что девушка не шутила.

Вместе со смятением и обидой, сердце парня вспыхнуло гневом. Не для этих слов, он старался, не жалея ни себя, ни других. И Канске был готов просить в свидетели даже самого Хатимана, которому не верил и не поклонялся, в том, что слова Харуны были несправедливы и бесчеловечны.

— Всё что я делал и делаю, это не ради клана и не ради страны, но ради тебя. Неужели, ты мне не веришь?

Стоило девушке увести взгляд прочь, как гнев и обида тут же ушли. Нет, она не то, чтобы не верила, но не могла. Страх или зависть, или что-то другое, могли повлиять на неё. Ухватившись за эти мысли, Канске не пожелал сдаваться.

Чтобы как-то достучаться до неё, он произнес:

— Неужели, ты так дорожишь властью, что готова умертвить меня?!

Тихий шепот, вместе с взглядом убедили его в том, что она не лукавила.

— Да...

— Не верю...

Услышав свой ответ, Канске звучно рассмеялся.

Он смеялся над судьбой, что так ловка, провела его. Ведь парень не хотел ни сражаться, ни тем более вести людей на войну. Но ради той, что сидела напротив, он по локоть погряз в крови. Хотя, думал парень, все, что я делал, делал ради себя. И мне не в чем винить её...

Отсмеявшись не весело, он признал себе, что не чувствовал обиды. В этот момент, он не чувствовал ничего, если не считать легкой грусти, отчетливо осязаемую, в этой затишьи в душе.

— Я с детства стремилась стать достойным лордом. Всегда старалась смотреть строже на себя, чем на других. С детства я знала, что мое имя запомнят надолго. Ты верный друг, Канске, и я знаю, что поступаю нечестно с тобой. Но я не могу не быть лордом.

Канске сразу же понял, что девушка говорила больше для себя, но не для него. Искреннее слова Харуны, тут же привлекли его внимание.

— Как Солнце каждый день следует своему пути, так и я, следую своему пути. Прежде, я думала, что ты моя слабость. Но это не так. Ты моя сила, мой меч, разящий беспощадно врагов. Если мы с тобой свяжемся узами брака, то один из нас затмит другого...

Пока девушка подбирала слова, Канске хотел возразить. Но видя, что Харуна всё для себя уже решила, парень не осмелился.

— К тому же, растить ребенка, когда судьба клана неопределенна, к этому я не готова, — усмехнулась Харуна. Последовавшие её слова, убедили парня в том, что на этом всё. Между ними больше не может быть других отношения, чем слуга-хозяин....

— Возможно, когда мы объединим страну, когда я стану Сёгуном, то мы вернемся к этому вопросу. Если ты всё еще будешь не против...

Эти слова не были обещанием, лишь неловко, помогали обходить острые углы.

— Как новый дайме клана Ямамото, отныне ты должен жить в провинции Хида. Думаю, так будет лучше для нас обоих...

— И ты вот так просто, откажешься ... от всего? Не посмотришь на то, что было между нами?

— Мы все скованы оковами. Будучи самураями, мы следуем долгу. Как лорд клана Такеда, я подчиняюсь долгу. Если долг велит мне, я подчиняюсь. Ты, не исключение...

Харуна намекнула, что стратег должен быть готов вступить в узы брака с той, с кем клан Такеда приобретет силу и влияние.

— Этим долгом, Канске, мы с тобой прокляты...

Даже шум дождя не в силах заглушить голос Харуны. Стратег помнит отчетливо каждое слово. Лишь увидев табличку, возвещающую о том, что впереди лежали земли Хида, он соизволил последний раз обернуться.

Лишь сейчас, вдалеке от Харуны он осознал, что есть выход. Что не всё так безнадежно. Уловив эту мысль, он разразился смехом, напугав следовавших за ним людей. Лишь Рен, не шелохнувшись, видя, внезапный приступ веселья её хозяина.

Она не могла не заметить, что после последней встречи с госпожой Такеда, Канске сильно изменился.

— Что такое, Хозяин?

На кончике языка, вертелось слово. Но понимая, что тут много лишних, Канске отмахнулся.

— Да так, вспомнилось что-то смешное.

А сам тем временем подумал, если нам мешают оковы, то надо их разбить. Может мне самому

стать Сёгуном? Ведь тогда Харуна будет моей...

Мысль эта была абсурдной, но как магнит привлекало его. Ведь, став Сёгуном, Харуна окончательно отдалиться от него. Этого он допустить не мог.

— Этим долгом, Канске, мы с тобой прокляты...

Преследовали его слова госпожи Такеды.

— Если мы прокляты, то смоем проклятие кровью, — усмехнувшись сказанному, он осознал, что всё чего он добился, было недостаточно. и никто не мог сказать, будет ли достаточным, если он станет Сёгуном. Но, несмотря на это, другого выхода он не видел...

<http://tl.rulate.ru/book/2255/103023>